

Жених-призрак

Автор:

Вашингтон Ирвинг

Жених-призрак

Вашингтон Ирвинг

Вашингтон Ирвинг – первый американский писатель, получивший мировую известность и завоевавший молодой американской литературе «право гражданства» в сознании многоопытного и взыскательного европейского читателя, «первый посол Нового мира в Старом», по выражению У. Теккерея. Ирвинг явился первооткрывателем ставших впоследствии магистральными в литературе США тем, он первый разработал новеллу, излюбленный жанр американских писателей, и создал прозаический стиль, который считался образцовым на протяжении нескольких поколений. В новеллах Ирвинг предстает как истинный романтик. Первый романтик, которого выдвинула американская литература.

Вашингтон Ирвинг

Жених-призрак

Тот, для кого весь в яствах стол стоит,

Тот, мне сказали, недвижим лежит!

Вчера при мне он в горнице прилег,

А нынче стлал ему седой клинок.

«Сэр Эджер, сэр Грэм и сэр Грей-Стил».

На одной из горных вершин Оденвальда, дикой и романтической области в южной части Германии, лежащей близ слияния Майна и Рейна, в давние, давние годы стоял замок барона фон Ландсхорта. Теперь он пришел в совершенный упадок, и его развалины почти полностью скрыты от взоров буковыми деревьями и темными соснами, над которыми, впрочем, еще и поныне можно видеть сторожевую башню, стремящуюся, подобно своему бывшему владельцу – его имя я назвал выше, – высоко держать голову и поглядывать сверху вниз на окрестные земли.

Барон был последним отпрыском великого рода Каценеленбоген[1 - То есть «локоть кошки». Это имя носили представители некогда могущественного местного рода. Нам говорили, что первоначально это было прозвище, данное в качестве комплимента одной бесподобной красавице, принадлежавшей к этой семье и славившейся красотой своих рук. (Примеч. авт.)] и унаследовал от предков остатки угодий и их тщеславие. Хотя воинственные наклонности предшественников барона и нанесли непоправимый урон фамильным владениям, он тем не менее старался поддерживать видимость бывшего величия. Времена были мирные, и германская знать, покидая свои уютные замки, прилепившиеся к горам, точно орлиные гнезда, строила себе удобные резиденции в плодородных долинах. Барон, однако, гордо отсиживался наверху в своей маленькой крепости, поддерживая с наследственным упорством старые родовые распри и вражду, завещанную ему прапрадедами, и находясь по этой причине в дурных отношениях с некоторыми из своих ближайших соседей.

Барон был отцом единственной дочери; природа, дарящая людям единственного ребенка, сторицей вознаграждает родителей, создавая настоящее чудо, – так было и с баронской дочерью. Нянюшки, кумушки и окрестные родичи уверяли отца, что такой красавицы не найти в целой Германии, а кому же лучше знать о таких вещах, как не им? К тому же она выросла под неусыпным наблюдением двух незамужних тетюшек, живших некогда, в дни своей молодости, при одном крошечном немецком дворе и отлично осведомленных во всем, что требуется для воспитания знатной дамы. Следуя их указаниям, она превратилась в верх совершенства. К восемнадцати годам она научилась восхитительно вышивать и изобразила на коврах целые жития святых, причем выражение их лиц было до того строгим, что они скорее походили на души чистилища. Она могла также почти свободно читать и разобрала по складам несколько церковных легенд и почти всю «Книгу героев» с ее нескончаемыми чудесами и подвигами. Она сделала значительные успехи даже в письме: умела подписать свое имя, не пропустив ни единой буквы и так разборчиво, что тетюшки читали ее подпись, не прибегая к очкам. Она преуспевала

и в рукоделии, снабжая дом изящными дамскими безделками всякого рода; была искусна в самых сложнейших новейших танцах, наигрывала на арфе и гитаре немало романсов и песен и знала наизусть все трогательные баллады миннезингеров. Ее тетушки – в дни молодости ужасные кокетки и ветреницы – были, можно сказать, предназначены к роли бдительных стражей и строгих судей поведения своей юной племянницы, ибо нет более чопорных и неумолимых дуэний, чем состарившиеся кокетки. Они почти не спускали с нее глаз; она никогда не выходила из замка без большой свиты, или, вернее, охраны, и ей постоянно внушали правила благопристойности и беспрекословного послушания; а что касается мужчин, то – Боже милостивый! – ее научили держать их на таком почтительном расстоянии, относиться к ним с таким недоверием, что без надлежащего дозволения она не посмела бы взглянуть даже на самого красивого кавалера в мире – да, да! – не посмела бы, даже если бы он умирал у ее ног. Прекрасные результаты такой системы были очевидны. Молодая девушка могла служить образцом послушания и благонравия. В то время как ее сверстницы растрачивали свое девическое очарование среди мирской сумятицы и мишуры, так что нежный цветок его мог быть сорван и потом выброшен какой-нибудь безжалостною рукой, она застенчиво и целомудренно, как роза между шипами-телохранителями, расцветала под бдительным оком добродетельных старых дев и превратилась, наконец, в прелестную девушку. Тетушки поглядывали на нее с гордостью и торжеством, похваляясь, что, хотя всем другим юным девам на свете недолго споткнуться, с наследницей рода Каценеленбоген, благодарение небу, ничего подобного случиться не может.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

То есть «локоть кошки». Это имя носили представители некогда могущественного местного рода. Нам говорили, что первоначально это было прозвище, данное в качестве комплимента одной бесподобной красавице, принадлежавшей к этой семье и славившейся красотой своих рук. (Примеч. авт.)

Купить: <https://tellnovel.com/ru/washington-irving/zhenih-prizrak-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)